

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 С.И. Владимирова

Воронежский государственный университет, Воронеж

Изучение салтово-маяцкой культуры насчитывает уже более ста лет. За это время вышло немало работ, посвящённых отдельным аспектам этого изучения, в том числе и военному делу, а в частности, и оружию. Интерес к оружию в рамках хазарской археологии продиктован тем, что оно используется в хронологических построениях, несёт информацию о межкультурных контактах, об уровне развития ремесла.

Помимо этого оружие и способы его использования определялись социальным составом армий, общественным положением людей, входивших в состав войска. Поэтому оружие нельзя рассматривать в отрыве от социальной среды. Так социальное неравенство отражается в различиях между простым и аристократическим оружием, комплексами вооружения народных масс и знати. Следовательно, вооружение отражает особенности социальной структуры и жизни общества.

В данной работе хотелось бы осветить результаты изучения таких аспектов военного дела салтово-маяцкой культуры, как вооружение и состав войска. Под вооружением здесь понимается оружие, составные части воинского пояса (пряжки, бляшки, наконечники) и детали конской упряжи.

Прежде чем перейти к рассмотрению работ, посвящённых военному делу салтово-маяцкой культуры, хотелось бы указать на то, что по степени освещённости материала, их можно разделить на: обобщающие, специальные и на работы, в которых публикуется материал раскопок отдельных могильников или погребальных комплексов.

Для удобства рассмотрения взглядов исследователей, части комплекса вооружения и состав войска будут рассмотрены по отдельности.

Сабли. Одним из наиболее характерных видов оружия для салтово-маяцкой культуры является сабля. Первым и не потерявшим до сих пор своей актуальности трудом, посвящённым данному виду оружия, стала статья Н.Я. Мерперта «Из истории оружия племён Восточной Европы в раннем средневековье». В ней были намечены принципы типологизации сабель по форме перекрестия и навершию рукояти. Также на основе погребального инвентаря Салтовского могильника был сделан ряд наблюдений, которые в дальнейшем не раз повторялись в литературе, посвящённой древностям салтово-маяцкой культуры. Так автор отметил, что сабли присущи наиболее богатым погребениям, так как подчёркивают особое социальное положение умерших, что является следствием внутривойсковой дифференциации (Мерперт, 1955. С. 143). Однако здесь следует сказать, что не все исследователи считают правомерным определение социального статуса погребённого по составу сопровождающего его инвентаря (Флёров, 2010. С. 127-128). А количественный анализ различных видов оружия из салтовских погребений позволил Н.Я. Мерперту сделать вывод о войске населения салтово-маяцкой культуры как о состоявшем из легковооружённой конницы (Мерперт, 1955. С. 143).

Большая заслуга в разработке вопросов вооружения принадлежит С.А. Плетнёвой. Так в ряде обобщающих работ она рассмотрела и сабли. Например, исследовательница отметила изменение длины клинков со временем в сторону более коротких, а также характерность сабель, как для степного, так и для лесостепного населения салтово-маяцкой культуры (Археология СССР, 1981. С. 74; Плетнёва, 2000. С. 42). Как и Н.Я. Мерперт, С.А. Плетнёва считала возможным выделение

социально-экономических категорий населения по составу сопровождающего погребение инвентаря (Плетнёва, 1989. С. 277).

Следует отметить работу У.Ю. Кочкарова, посвящённую оружию ближнего боя Северо-Западного Предкавказья в VIII-XIV вв., в которой автор часто обращается к аналогиям предметов вооружения с памятников салтовомаяцкой культуры. Также в данной работе автор предлагает типологизацию сабель по длине и кривизне клинка, выделяя характерный для VIII-IX вв. – время расцвета салтовомаяцкой культуры – тип сабли длиной до 80 см., шириной 2,6-4,5 см. и кривизной клинка не более 1 см. (Кочкаров, 2008. С. 26-27). Подобные сабли были обнаружены в погребениях Маяцкого селища, Дмитриевского и Больше-Тарханского могильников (Винников, Афанасьев, 1991; С. 13-18; Плетнёва, 1989. С. 74; Геннинг, Халиков, 1964. С. 53).

Топоры. Намного чаще сабель в воинских погребениях салтовомаяцкой культуры находят боевые топоры, соответственно их типология разработана намного лучше. Но, следует отметить, что топоры широко распространены, прежде всего, в лесостепных памятниках. Исходя из этого, при выделении боевых наборов С.А. Плетнёва считала топоры характерным оружием для катакомбников-алан (Археология СССР, 1981. С. 74). Она же, основываясь на материалах раскопок Дмитриевского могильника, выделила три хронологических группы: раннюю, среднюю и позднюю. К ранней группе были отнесены топоры с молоточковидным обушком, а к поздней с плоским или уплощённым обушком (Археология СССР, 1981. С. 74; Плетнёва, 1989. С. 155, 160). У.Ю. Кочкаров выделил особый «аланский» тип боевых топориков с треугольным лезвием (Кочкаров, 2008. С. 74).

Особого рассмотрения требует вопрос о разделении боевых и рабочих топоров. И.И. Ляпушкин предлагал различать их по обухам, С.А. Плетнёва по размерам, т.к. рабочие топоры тяжелее и массивнее боевых (Ляпушкин, 1958. С. 119; Плетнёва, 1989. С. 74-76).

В.К. Михеев высказал предположение о том, что если топор находится в комплексе с сельскохозяйственными орудиями труда, то его нужно считать рабочим (Михеев, 1985. С. 39). Однако нам неизвестно как формировалось салтовское войско – было оно регулярным или набиралось при необходимости из свободных общинников, занимавшихся своим хозяйством в мирное время. Если верно второе предположение, то нахождение в одном комплексе предметов вооружения и сельскохозяйственных орудий труда не должно вызывать удивления.

Ножи. Кинжалы. В могильниках салтовомаяцкой культуры самыми массовыми железными находками являются ножи. Вопрос об отнесении ножей к оружию до сих пор не решён и вряд ли стоит ожидать его окончательного решения, так как потенциально любые ножи могли быть использованы в бою. Ножи находят как в мужских, так и в женских погребениях. На этом основании В.С. Флёров считает ножи предметом ежедневного обихода (Флёров, 1993. С. 24). Этот же фактор, а именно большая распространённость ножей в мужских и женских захоронениях, позволила В.С. Флёрову сделать предположение о том, что ножи могли выполнять роль амулетов, позднее С.А. Плетнёва тоже допустила, что ножи могли быть оберегами (Флёров, 1993. С. 49; Винников, Плетнёва, 1998. С. 202). М.Г. Магомедов, исследовавший памятники хазарского времени на территории Северо-Восточного Кавказа, ножи относит к оружию (Магомедов, 1983. С. 78). Однако среди одиночных находок ножей встречались и такие, которые объединялись в обоймы. Такие ножи с известной долей вероятности можно отнести к боевым, использовавшимся в качестве метательных.

Не менее сложным является вопрос о разделении кинжалов и, собственно, ножей. Так С.А. Плетнёва кинжалами называла ножи длиной 16-17 см., У.Ю. Кочкаров тоже определяет кинжалы в рамках 16-22 см., однако против отнесения больших ножей к кинжалам

высказывался А.В. Крыганов (Плетнёва, 1989. С. 91; Кочкаров, 2008. С. 76; Крыганов, 1989. С. 105). Большую работу, посвящённую кинжалам VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах, провёл А.К. Амброз, однако эта работа носит обобщающий характер и посвящена генезису выше упомянутых кинжалов, которые бытовали на территории Восточной Европы и в салтовское время (Амброз, 1986. С. 71).

Копья. Копья, а точнее наконечники копий, редко обнаруживаются в материалах лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры. Поэтому принято считать, что копья были характерны для болгар (Археология СССР, 1981. С. 74). И.И. Ляпушкин считал характерными для салтовских наконечников листовидную форму (Ляпушкин, 1958. С. 119). Однако со временем стали находиться и пиковидные, наибольшее их число было обнаружено в Предкавказье (Кочкаров, 2008. С. 60; Магомедов, 1983. С. 74). Что касается способа крепления к древку, то практически все наконечники являются втульчатými. Можно выделить также два подхода к типологизации наконечников: по форме пера-лезвия и по отношению длины наконечника к длине пера (Ляпушкин, 1958. С. 119; Крыганов, 1989. С. 101-102; Кочкаров, 2008. С. 45-46).

Кистени. Кистени как оружие встречаются в памятниках салтово-маяцкой культуры не часто. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья изучались А.В. Крыгановым, который в основе их классификации видел такой критерий как материал изготовления. Исходя из этого, исследователь отметил, что каменные и костяные кистени характерны лишь для степной части Подонья, а бронзовые и биметаллические для лесостепной. Автор обратил внимание на то, что кистени могли использоваться не только воинами, но и рядовым населением, которому, вследствие феодализации, стало недоступно дружинное оружие (Крыганов, 1987. С. 66-68). Однако выводы о военизации салтовского населения только лишь на основе находок гирек в не воинских захоро-

нениях, в том числе и женских, подвергается справедливому сомнению (Комар, Сухобоков, 2000). Также многие исследователи, обращавшиеся к описанию кистеней, считают неверным типологизацию этого вида оружия по материалу изготовления, но существенное отличие между типами кистеней видят в способе подвешивания (Михеев, 1985. С. 91; Комар, Сухобоков, 2000).

Стрелковое оружие. Под стрелковым оружием здесь подразумеваются накладки на лук и наконечники стрел. Накладки на лук делят на боковые и фронтальные, а также на концевые и центральные. Каких-то специальных исследований, посвящённых накладкам на лук салтово-маяцкой культуры мне неизвестно, однако С.А. Плетнёва овалы срединные накладки считала характерными для IX-X вв., аналогии им известны в материалах Дмитриевского могильника (Плетнёва, 1989. С. 69).

Наконечники стрел являются самым массовым материалом комплекса вооружения, однако чаще всего в погребениях они обнаруживаются без накладок для луков. Существует подробная классификация наконечников стрел, разработанная ещё А.Ф. Медведевым (Медведев, 1966). Наиболее характерными для лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры являются черешковые трёхлопастные стрелы, а для степного шиповидные и листовидные (Плетнёва, 1967. С. 161).

Интересны наблюдения, касающиеся способов ношения стрелкового оружия. Так А.В. Крыганов установил, что налучия носились на поясе (Крыганов, 1996. С. 347). Также заслуживает упоминания колчан, найденный при раскопках Дмитриевского могильника. Стрелы в колчан были помещены наконечниками вверх (Плетнёва, 1989. С. 71). Луки, по определению той же С.А. Плетнёвой, характерны как для аланского, так и для болгарского боевых наборов (Археология СССР, 1981. С. 74).

Воинский пояс. От воинских поясов в погребениях сохраняются пряжки, бляшки и

наконечники. При этом чаще всего они находятся не в полном наборе, т.е. редко встречаются погребения, в которых представлены все элементы воинского пояса. К особенностям воинских поясов можно отнести то, что их нельзя использовать для этнической интерпретации, так как они были подвержены евразийской моде (Ковалевская, 1979. С. 5). Подробная классификация пряжек IV-IX вв. была проведена В.Б. Ковалевской, применима она и для салтово-маяцкой культуры. На основе анализа салтовских поясных пряжек исследовательница сделала вывод о том, что их изготавливали для каждого дружинника по индивидуальному заказу (Ковалевская, 1979. С. 38). Также изучение массового материала могильников позволило сделать вывод о независимости состава воинского пояса от имущественного положения погребённого. Отсюда и рассмотрение воинского пояса как выполнявшего функции «знака воинского отличия» (Археология СССР, 1981. С. 69). Что касается хронологических построений, то для салтово-маяцкой культуры они основаны на орнаментации деталей воинских поясов. С.А. Плетнёвой удалось выделить «стилистический» и «простой» блоки: первый более ранний, чем второй (Плетнёва, 1989. С. 80-81). Таким образом, развитие орнаментации деталей салтовского воинского пояса шло по пути упрощения. Тенденция к геометризации орнамента была отмечена и другими исследователями (Макарова, Плетнёва, 1983. С. 71-75; Фонякова, 1986. С. 36-47).

Конская упряжь. Из деталей конской упряжи лучше всего до наших дней сохраняются стремяна и удила. Также к упряжи можно отнести и детали внешнего убранства в виде бляшек, наконечников и начельников подробно рассмотренных С.А. Плетнёвой на основе находок Дмитриевского могильника (Плетнёва, 1989. С. 81, 84, 88). От сёдел остаются лишь детали, сама идентификация которых порой является весьма затруднительной. Серьёзное исследование стремян и сёдел раннего средневековья (IV-VIII вв.) как хроноло-

гического показателя предпринял А.К. Амброз, рассмотревший этапы и пути распространения стремян и твёрдых сёдел (Амброз, 1973. С. 81-98).

Состав войска. Комплекс вооружения салтово-маяцкой культуры нельзя определённо назвать характерным для конного или пешего войска. Судя по всему войско было смешанным, и его состав варьировался в зависимости от территории и, возможно, этнического состава. Так боевые топоры более характерны для пеших воинов, однако порой находятся в одних комплексах с саблями и конской сбруей, что говорит о возможности их использования всадниками (Мерперт, 1955. С. 143). Сабли большинство исследователей относят к всадническому оружию, но наличие на салтовских саблях раскованного на два лезвия конца предполагает их использование не только как режущего оружия, но и как колющего. Таким образом, сабли могли использоваться и пешими воинами (Кочкаров, 2008. С. 83). В погребениях же степного варианта салтово-маяцкой культуры находки предметов вооружения редки, поэтому здесь можно лишь предположить, что войско населения степи было конным. Более определённая точка зрения сложилась по поводу состава войска населения, оставившего погребения по типу трупосождения. Состояло оно из всадников, вооружённых пикой и другим оружием с незначительной частью пеших воинов (Крыганов, 1989. С. 110). Несмотря на это, в литературе традиционно принято считать салтовское войско конным.

Подводя итог рассмотрению взглядов исследователей на военное дело салтово-маяцкой культуры, можно выделить следующие тенденции, которые сохраняются до сих пор: во-первых, нельзя не заметить дисбаланс в изучении лесостепного и остальных вариантов салтово-маяцкой культуры, что приводило и приводит к нередкому переносу характеристик этого варианта на всю культуру; во-вторых, большинство работ, в которых затрагиваются вопросы военного дела, носят

обобщающий характер, специальных исследований мало, что приводит к повторению одних и тех же выводов.

В целом же, следует сказать, что за более чем полувековую историю интенсивного изу-

чения салтово-маяцкой культуры объём знаний о военном деле Хазарского каганата значительно увеличился, намного превысив информативность письменных источников по данной теме.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981
- Амброз А.К.* Стремена и сёдла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.) // СА. 1973. №4.
- Амброз А.К.* Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. №4.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж, 1991.
- Винников А.З., Плетнёва С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // Археология СССР. САИ. 1979. Вып. Е1-2.
- Комар А.В., Сухобокоев О.В.* Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал 2000. (http://archeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm)
- Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). М., 2008.
- Крыганов А.В.* Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. 1987. №2.
- Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
- Крыганов А.В.* Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. №62. Т.1.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М., 1983.
- Макарова Т.И., Плетнёва С.А.* Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. №2.
- Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие, лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. // Археология СССР. САИ. М., 1966. Е1-36.
- Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам // Материалы и исследования по археологии СССР. 1967. №142.
- Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.
- Плетнёва С.А.* Очерки Хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.
- Флёров В.С.* Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград. 1993.
- Флёров В.С.* «Города», «замки», «феодализм» в Хазарском каганате. Проблемы исследований // Хазары: миф и история. М., Иерусалим, 2010.
- Фонякова Н.А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII-IX вв. // СА. 1986. №3.